

Сержена ДУГАРОВА

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ МОНГОЛЬСКОГО КОЧЕВОГО ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена феномену государственности кочевого пастушеского общества в средневековой Монголии. С историографических позиций рассмотрены актуальные вопросы генезиса кочевого государства, предпосылки его образования. Освещены основные формы политической организации этого общества.

Ключевые слова: государство, кочевое пастушеское общество, Монголия, улус, Яса Чингисхана

Проблема становления государственности у различных народов относится к числу вечных вопросов. При этом большинство трудов обществоведов посвящено возникновению государства в оседло-земледельческих обществах. Между тем интересны и иные варианты социальной эволюции, в частности, *возникновение государства в кочевом пастушеском обществе, в т.ч. история зарождения средневекового монгольского государства.*

Основные факторы образования монгольского государства

Монгольское общество в конце XII — в начале XIII в. базировалось на кочевом скотоводстве, представлявшем специфическую хозяйственную систему. Скотоводство в жизни кочевника было не только основой ведения хозяйства, но и источником обеспечения недостающих материальных благ (поскольку излишний продукт мог быть выгодно обменен на продукты производства земледельческого общества). При этом наиболее емким рынком сбыта продукции скотоводческого кочевника могли быть только оседло-земледельческие центры. Территориально ближе всего к бескрайним степям Монголии находился Китай. Торговля, как постоянный, налаженный, институционально сложившийся обмен продуктами между двумя типами хозяйств, предполагала создание необходимых условий, обеспечивающих безопасность подобных отношений.

Монгольские историки в своих исследованиях также подчеркивают, что степная аристократия не могла обойтись без центров политической власти, ремесла и торговли. Появление в этом качестве городов является, по их мнению, еще одним свидетельством расширения хозяйствен-

ных возможностей населения и развития социально-политической системы общества¹.

Примечательно, что в современной номадистике (кочевниковедении) наблюдается *размежевание взглядов* на характер продуктообмена между двумя типами хозяйств. Одни утверждают, что более всего были заинтересованы в таком обмене сами кочевники. Другие (и к этой группе следует отнести главным образом монгольских исследователей) стоят на позиции, что торговля представляла взаимовыгодный для обеих сторон динамичный процесс взаимодействия кочевого и земледельческого обществ².

Выступая против одностороннего взгляда на этот вопрос, монгольские ученые заявляют, что кочевники могли на протяжении длительного исторического времени жить обособленно, практически не нуждаясь в продуктах земледельческого труда. Своей позицией ученые Монголии возражают точке зрения о том, что кочевники не могли жить самостоятельно без продуктов земледельческих центров, жизненно испытывая в них нужду, организовывали орду для постоянных набегов на соседние территории с целью грабежа.

Но, в контексте торговли между земледельцами и кочевниками, речь идет не о жизнеобеспечивающих продуктах, а об их излишках, которые могут быть выгодно обменены, что и является фактором взаимовыгодной торговли. Ни кочевники, ни земледельцы не могут одновременно, занимаясь аграрным производством, совмещать свой труд с посредническими функциями в этих отношениях. Поэтому города, как торговые центры, выступают *специфическим институтом*, обеспечивающим условия взаимовыгодного взаимодействия кочевников и земледельцев³.

В монгольской историографии достаточно полно раскрывается ведущая роль степной аристократии, или «талын язгууртан», в организации обмена излишков продуктов скотоводческого производства на земледельческую продукцию. Контроль над торговлей имел большое значение в деле распределения материальных благ, и аристократия контролировала потоки материальных ресурсов. Это предполагало создание необходимых институтов урегулирования возникающих конфликтов интересов, установление единого порядка такого регулирования — *централизованного управления*.

¹ Традиции строительства городов в Центральной Азии, упоминаемые в источниках, получили реальное подтверждение после археологических экспедиций русских, советских и монгольских ученых. В настоящее время известно более 30 городищ времен Монгольской империи, в т.ч. г. Каракорум.

² См., напр.: *Санждорж М.* Монгол төрийн түүх. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 1998; *Дамдинсүрэн Ц.* Хуучин монголын бичигээр Улаанбаатар: Олон улсын монгол судлалын холбоо, 1957; *Далай Ч.* Ойрад монголын түүх. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2002; *Нацагдорж Ш.* Халхын түүх. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 1963; *Бира Ш.* Монголын түүх, соёл, түүх бичлэгийн судалгаа. Улаанбаатар: Олон улсын монгол судлалын холбоо, 2001; *Дашням И.* Монгол улсын төр эрх зүйн түүх уламжлал. Улаанбаатар: Монгол улсын Их сургууль, эрдэм судлал дээд сургууль, 2005.

³ Торговые города закономерно считаются продуктом жизнедеятельности земледельческих народов. Все древние города, как правило, географически расположены в ранних центрах земледельческой культуры или максимально приближены к земледельческим центрам. Однако, как сказано выше, возникновение городских поселений было не редкостью и в степях Монголии.

Очевидно также, что по мере упрочения связей между скотоводами и земледельцами в кочевом обществе усиливалась *социальная и политическая стратификация*⁴. В то же время монгольские ученые подчеркивают нестабильный характер этого процесса. Это явление по-разному оценивается исследовательскими школами. Но есть и общее понимание, что данный факт связан с *сохранением* в монгольском обществе сильных *традиций кровнородственных отношений*⁵.

Говоря о становлении государственности в монгольском обществе, некоторые исследователи особо выделяют значение в этом отношении таких факторов, как плотность населения, размер территории его проживания, как объективных показателей готовности общества к возникновению государства. Некоторые из них даже проводят прямую параллель между плотностью населения и уровнем политического развития общества. Согласно их логике, интенсивность контактов внутри общества определяется высокой плотностью населения, что приводит в конечном счете к необходимости создания государства. В этой связи подчеркивается, что данные об общей численности монгольских кочевников в XIII в. достаточно внушительны, чтобы считать этот показатель типичным для государственно-организованного населения⁶.

Зарубежные ученые при исследовании социальной структуры монгольского кочевого общества основное внимание уделяют кровнородственным связям. Между тем в монгольской историографии обращается внимание на то, что уже для раннего государства монголов была свойственна *полиэтничность*⁷. В состав населения Монголии входили скотоводческие племена горных и степных районов Центральной Азии, не являющиеся собственно монголами или монголоязычными народами.

Разумеется, социальную и военную опору ханской власти в монгольском обществе составляли монголы, а также отдельные племена тюркского происхождения, которым доставалась львиная доля распределяемых материальных благ. Верхушку социальной иерархии составляли представители золотого рода Чингисхана, монгольские аристократы, военные, гвардейцы, которые обладали преимущественным правом распределять материальные ресурсы, в т.ч. доходы от налогообложения, дани, военную добычу.

Наличие семейных клановых структур часто определяют как признак архаичности общества. У монголов в XIII в. родственные группы составляли важное звено в социально-экономических, политических связях общества. Но, по мнению авторитетных ученых, нельзя это считать пережитком родового строя.

Племена являлись экономическими, политическими и военными организациями. Родоплеменная организация кочевников была обусловлена сутью способа производства. По мнению К.И. Петрова, ее следует

⁴ Бира Ш. Их Монгол Улсын түүх, үзэл суртлын зарим онцлог асуудлууд. Улаанбаатар: Олон улсын монгол судлалын холбоо, 2006. С. 6.

⁵ Там же.

⁶ Далай Ч. Ойрад монголын түүх (тэргүүн боть). Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 1985. С. 55–57.

⁷ Бира Ш. Указ. соч.

считать органическим институтом самого данного общества, опосредованно связанного как с характером природного пастбища как средства труда, так и общинно-родоплеменной собственностью на него⁸.

В начале XIII в. структурной единицей монгольского общества был «обог» — родоплеменная группа, состоявшая главным образом из кровных родственников.

В то же время исследователи, ссылаясь на сведения «Сокровенного сказания», отмечают, что нельзя относить это время к первобытному этапу развития монгольского общества. При этом обращается внимание на разнородность происхождения основной массы зависимых людей внутри «обог». Главное место в них занимала аристократия. В источниках упоминаются такие их иерархические титулы, как «хан», «гурхан», «тайша», «нойон», к которым присоединялись звания «баатур», «бухэ», «ехэ», «баян», «мэргэн», «сэцэн».

В результате разделения наследства среди аристократических потомков старые «обог» дробились и возникали новые. Частые военные столкновения между ними приводили к возвышению одних и упадку или исчезновению других. «Обог», принимая разнородных людей, в т.ч. пленных, а также кочевников, искавших защиту от притеснений, не мог состоять из одних кровных родственников.

Человек, войдя в состав «обог», попадал в зависимость от его главы и представителей знати. Зависимые люди не могли по собственному усмотрению уходить от своего хана, нойона и находились в их полном распоряжении. Глава «обог» разрешал споры между подвластными, выступая в качестве «заргач» — судьи. Вместе с тем зависимый человек получал право на защиту от произвола со стороны представителей других «обог» или других преследований извне. Кочевник в составе «обог» активно участвовал во всех делах группы: хозяйственных, военных, политических. Поэтому «обог» в отличие от племени представлял собой социально дифференцированный, хозяйственно-политический коллектив.

При этом родственные отношения играли главную роль в формировании управленческого слоя, а средние слои состояли и пополнялись из неродственных групп.

Таким образом, по мнению исследователей, в XIII в. в Монголии сложились необходимые социально-экономические условия для возникновения государства. Наряду с объективными предпосылками *особые конкретно исторические условия*, совокупность которых ускорила появление государства в средневековой Монголии. Таковыми стали частые внутренние распри между отдельными племенами и их союзами, выдвижение лидера в лице Тэмуджина (Чингисхана), сумевшего мирным и военным путем объединить враждовавшие племена под своим началом, и в дальнейшем направить внутреннюю борьбу за рамки монгольского мира.

Созданная Чингисханом политическая система сломала звенья традиционной социально-политической организации монголов, устранив

⁸ Петров К.И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начало XIII в. Фрунзе: Илим, 1981. С. 53.

угрозу проявления сепаратизма. Не родственные связи, а личные заслуги стали определяющими в порядке назначения претендента на должность и определения полномочий на каждом уровне управления монгольским государством.

Как отмечает монгольский ученый Ш. Бира, один только внешний фактор, влияние земледельческих соседей, не мог привести к образованию государства. Вместе с тем и наличия одних только внутренних объективных условий было бы недостаточно для возникновения государства. Поэтому он приходит к выводу о том, что возникновение кочевого государства монголов в XIII в. было обусловлено совокупным действием и объективных (внутренних и внешних), и субъективных факторов⁹.

Форма политической организации монголов в XIII в.

Вопрос о форме политической организации кочевых народов представляет одну из актуальных проблем в нomaдистике (кочевниковедении). В основе выделения разных типов государственности лежат различные типы хозяйства. Рашид-ад-Дин отмечал, что «в каждом поясе земли существует отдельное население: одно оседлое, другое — кочевое»¹⁰. По мнению Н.И. Веселовского, оседлое земледелие и кочевое скотоводство следует определять как самостоятельные виды хозяйственной деятельности, поэтому кочевая культура не может быть определена переходной ступенью от звероловства в оседлую¹¹. Отметим также, что с точки зрения *политической организации* все кочевые общества (в т.ч. монгольское) обладали характерными признаками: военно-административным характером органов управления; иерархической системой власти; языческим культом (культ Неба у монголов) — источником власти правящей элиты.

При определении типа и формы политической организации монголов в XIII в. в монгольской историографии обращается внимание на *существенные изменения*, произошедшие в это время в общественно-политическом строе. Кардинальные изменения претерпела система управления монгольским обществом. Уже во времена правления Чингисхана монгольскому кочевому обществу были присущи такие черты государственности, как:

- централизованная структура управления;
- стратификация и дифференциация общества;
- торговый обмен продуктами производства;
- общая идеология, ритуалы, культы;
- большая численность населения;
- теократический характер верховной власти.

К середине XIII в. в результате больших территориальных завоеваний Монголия стала представлять огромную империю, объединявшую многочисленные зоны кочевого и оседлого населения. Для управления подвластными народами функционировали разные политические учреж-

⁹ Бира Ш. Указ. соч. С. 136.

¹⁰ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. I. Перевод Л.А. Хетагуровой М.-Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 73.

¹¹ Веселовский Н.И. Черновые записки о кочевниках. ЦГАЛИ. Ф. 118, оп. 1, д. 388. С. 3.

дения, а также использовались различные родоплеменные структуры, которые приобрели новый политический характер.

Определяя форму политической организации Монголии в начале XIII в. как «раннее государство» («тулгар улс, эхний улс»), исследователи выделяют следующие его признаки.

Территория. Центральная государственная власть распространяется как на население, проживающее на определенной территории, так и на саму эту территорию.

Иначе говоря, власть хана над населением не оторвана от власти над территорией их обитания. В условиях кочевого скотоводства население часто испытывало недостаток в хороших пастбищных угодьях. Осуществление ханом суверенной верховной власти на подвластной территории предполагало централизованное распределение и регулирование пользования пастбищами. «Наиболее общей формой зависимости населения кочевого общества от хана была необходимость при кочевании следовать указанным ханом маршрутом»¹².

Каждая территориальная единица — тысяча, построенная по численной системе, имела свои пастбища — «нутуг» и источник воды — «усун».

Самовольное кочевание запрещалось, и в последующем это правило было законодательно оформлено¹³. В начале XIII в. у монголов существовал определенный порядок распределения, выделения территории кочевания населения. Так достигалась упорядоченность в пользовании пастбищами как общенациональным ресурсом.

Население — «улус» («эзэмшлийг бурдуулсэн хумуус»), в состав которого стали входить не только кочевники-скотоводы, но и земледельцы, ремесленники, торговцы.

Подданные империи государства выплачивали налоги, поставляли рекрутов, обеспечивали деятельность гарнизонных и уртонных служб.

Учреждение публичной власти. Характерным признаком территориального управления было деление на: центральную, восточную (левую) и западную (правую) части.

Некоторые исследователи пытались объяснить такое деление трудностью управления обширными территориями из одного центра, растянутостью кочевого государства с запада на восток, а также антропоморфизмом: голова — центр, левая и правая части — руки. Е.И. Кычанов отмечает, что феномен определенного рассредоточения центральной власти кочевников объясняется традицией, идущей, по меньшей мере, от гуннов и скифов¹⁴. По мнению монгольских ученых, традиция деления административного управления на части («зун гар, барун гар») берет начало со времен облавной охоты¹⁵.

¹² Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Московский Университет, 1973. С. 11.

¹³ Так, правовой акт XVII в. «Восемнадцать степных законов» Халхи предусматривал наказание за нарушение правил кочевания в виде натурального штрафа — «девятка».

¹⁴ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. С. 94–98.

¹⁵ Минжин Ц. Их засаг. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2009. С. 13.

Публичная власть была представлена системой органов власти: управления, суда, имевших в своем основании *опиравшихся на* военно-административные подразделения крупных составных частей *империи* государства — улусов.

Глава государства — Великий Хан, определялся как представитель Вечного синего Неба («Мөнх хөх Тэнгэри»), т.е. его власть считалась сакральной.

Хан являлся верховным главнокомандующим, распорядителем всех ресурсов: налогов, пошлин, военной добычи. Опираясь на Курултай и совет мудрецов («Сэцдийн зөвлөл»), он определял также внешнюю политику. Распоряжения хана — «зарлики» облекались в форму письменных правовых документов.

Важная роль в высшем управлении отводилась Курултаю — собранию членов золотого рода («алтан урги»), военной аристократии, глав монгольских родов, племен. На Курултае обсуждались вопросы государственного значения, решения по которым принимались коллегиально. При формировании аппарата управления родственные связи учитывались на двух уровнях: высших и самых низших. Основное — среднее звено системы гражданского и военного управления формировалось по личным качествам и заслугам. При этом должности среднего уровня могли передаваться по наследству от отца к сыну, согласно обычаям монголов, только с разрешения хана. Известно, что выбор Великого Хана Курултай производил с учетом авторитета, заслуг кандидата на этот пост.

Гвардия Великого Хана — «Хэшигтены», входившая в Высший военный совет («Илдэч-цэригын зөвлөл»), осуществляла контроль над армией. Гвардейцы сопровождали хана во время походов, дипломатических поездок, через них осуществлялась связь с командованием военных подразделений. Это была организация, из которой отбирались в государственный аппарат сановники и чиновники.

Важным органом власти был секретариат («түшмэдийн тогтолцоо»), куда входили высшие сановники, тысячники, темники, сотники, гражданские советники хана. Известными советниками секретариата Великого Хана в разные периоды были Елюй Чуцай, Чинкай, Абд-ар-Рахман и др., внедрявшие в Монголии опыт организации налоговой, пошлинной системы, накопленный отдельными народами и государствами. Функционировали специальные отделы дворцовой администрации, отвечавшие за разведение лошадей, скота, сбор зерна, овощей, поставки рыбы, организацию загонной охоты («мал аж ахуйн сайд», «төрийн бэхи»).

Чиновники делились на несколько рангов, а их статус определялся *нормами права* — законом Великая Яса («Их засаг»), о чем свидетельствовали верительные мандаты — «пайцзы»: золотые, серебряные, деревянные.

Военная администрация — основа государственного строя Монголии, осуществляла мобилизацию в армию, руководила подразделениями, участвовала в управлении покоренными народами. В основе военно-административной системы лежала численность населения, а не территория. Такая система управления отличалась гибкостью и соответствовала кочевой жизни общества.

Правовая система. Принятие общегосударственного закона «Их засаг» закрепило новый правовой порядок в обществе путем установления жесткой системы наказаний.

Для реализации норм «Их засаг» была создана система судов во главе с верховным судьей («улсын заргач»), возглавлявшим аппарат судей хана. В составных частях государства — улусах судебную власть осуществляли представители золотого рода Чингисхана.

Фискальная система. Сбор налогов-поборов в твердо установленном размере и определенный срок с населения, взыскиваемых в принудительном порядке, стал неотъемлемой частью финансовой системы.

Монголы собирали налог кумысом («ундан») и налог овцами двух видов: подоходный налог по одной овце с каждой территориальной единицы — сотни и налог на суп («шулен») в пользу хана по одной двухгодовалой овце. Налог на суп был подушным. В последующем, в монгольской империи, была создана обширная система сбора налогов: натуральный поземельный налог — «халан», налог на скот — «копчур», налог с купцов, ремесленников — «тамга» и т.д. Различные виды государственных налогов, повинностей обеспечивали экономическую основу государства. Финансовые возможности налоговой системы основывались на данных о количестве налогоплательщиков. В стране была четко организована служба фактического учета населения с помощью переписи. Известен был институт освобождения от налоговых повинностей — «дархатство».

Наряду с денежными, натуральными налогами все население империи обременялось государственными трудовыми и воинскими повинностями: гарнизонная, «уртонная» службы.

Таким образом, наличие в кочевом обществе перечисленных элементов системы власти и управления позволяет определить монгольскую империю в период правления Чингисхана как «раннее государство» («тулгар тутам улс», «гур улс»).

Завершая статью, отметим, что проведенный нами историографический анализ основных трудов по истории средневекового монгольского государства позволяет сделать три вывода.

Первый. Возникновение государства монголов было закономерным этапом развития кочевого общества, обусловленным совокупностью объективных и субъективных факторов.

Второй. В результате распада старой племенной системы устанавливалась новая система центральной власти, исключавшая угрозу проявления сепаратизма.

Третий. Политическая организация монголов в середине XIII в. может быть определена как типичная для государственно организованного населения.